

* * *

Н.В. Смородина

С Яковом Юрьевичем Никитиным я познакомилась в 1978 году, он вел в моей группе семинары по теории вероятностей. Вел занятия он очень хорошо и, более того, с видимым удовольствием. У него были явно неплохие актерские данные, и каждое занятие превращалось в своего рода мини-спектакль.

Еще сильнее запомнились практические занятия по математической статистике на четвертом курсе. На этих занятиях мы просто «руками» строили оценки параметров, их доверительные интервалы, проверяли различные гипотезы. Без всяких компьютеров и даже калькуляторов, только таблицы. Занятия эти были довольно нетипичными для тогдашнего мат-меха, тяготевшего больше к чистым абстракциям. Но зато с какой благодарностью я впоследствии вспоминала эту «статистику с бумагой и ручкой», давшую четкое понимание того, что реально стоит за статистическими формулами. Это очень сильно помогло мне, когда по роду деятельности пришлось заниматься обработкой больших объемов статистических данных.

Кстати, уже много лет спустя, когда моим основным факультетом стал физический, я посылала своих (да и не только своих) студентов-физиков слушать лекции ЯЮ по математической статистике. По моему мнению, это был вообще лучший курс статистики, который можно было прослушать в Санкт-Петербурге. Правда, как мне рассказывали, ЯЮ временами на лекциях ворчал: «Ну вот, опять одни физики сидят...»

Дальнейшие воспоминания в основном относятся уже к периоду, когда ЯЮ стал для меня уже не Яковом Юрьевичем, а просто Яшей. Я никоим образом не претендую на какую-либо связность изложения, это просто отдельные истории, немного пронизанные философией хасидизма – «грустить – Б-га гневить».

Моя вторая в жизни научная конференция. Конференция проходила в Тбилиси, но на банкет нас куда-то далеко увезли на автобусах. Везут на автобусах обратно, все веселые. Вдруг сидящий рядом со мной И.А. Ибрагимов громко закричал: «Яша, Яша, а вот Наташа считает, что вам надо похудеть». Я была в полном ужасе, не знала, куда мне деваться, а ЯЮ, с таким же, как у меня, пылающим лицом, на полном серьезе стал объяснять мне, что он с детства такой пухленький, и это ему совсем не мешает.

Ко всякой физкультуре ЯЮ относился со сдержанным отвращением¹. В какой-то момент я от него услышала фразу – «Все, после 40 лет уже бегать нельзя, может кончиться инфарктом». И не было в его голосе никакого огорчения от утраченных возможностей. Скорее облегчение, что появилась наконец-таки уважительная причина этой глупости не делать.

---

¹ Это не совсем так. В молодости Я.Ю. занимался тяжелой атлетикой, а также плаванием, по которому даже имел разряд. – Прим. Т.П. Никитиной.

Очень и очень важную роль в жизни ЯЮ играло понятие «приличие». Доходило до совсем смешных вещей. Расскажу только две истории.

История первая. Идет защита диссертации по матфизике. Второй оппонент, А.А. Федотов, сильно увлекшись, с жаром рассказывает собравшимся свое понимание результатов диссертации, причем крайне неожиданное и интересное. Сидящий рядом со мной ЯЮ поворачивается ко мне и возмущенно шипит в ухо: «Да как он может?! Это же неприлично!!! Перед ним оппонент-доктор говорил 10 минут, а он ведь еще только кандидат, а уже говорит больше 20 минут!»

Вторая история относится к 2010 году, когда И.А. Ибрагимов лежал в больнице. ЯЮ пришел его навестить, а я его провожала до палаты. По дороге он у меня спросил: «Полчаса у больного прилично сидеть?» Я сказала, что да. Тогда он спросил: «А о чем в больнице прилично говорить, можно о балете?» Я снова согласилась. А потом, едва сдерживая хохот, слушала, как он ровно полчаса с большим знанием дела говорил о балете, периодически поглядывая на часы, чтобы, не дай Бог, не нарушить регламент.

Впрочем, справедливости ради замечу, что от других никакого соблюдения приличий, в своем понимании этого слова, он не требовал. Вполне умел принимать их такими, какие они есть.

Умение убеждать и уговаривать людей у ЯЮ было потрясающее. Он был просто прирожденным дипломатом. Ни разу в жизни я не слышала, чтобы он переходил на откровенную грубость. Когда на него несколько лет назад пошли писать кляузы, я ему очень советовала оставить на время дипломатические манеры. Даже Твардовского цитировала:

*И вступают тут в права
и бывают кстати
больше прочих те слова,
что не для печати.*

ЯЮ все внимательно выслушал и ответил: «Ты, наверное, права, но я не могу».

На верхней ступеньке в иерархии жизненных ценностей у ЯЮ всегда была семья. Даже помыслить было невозможно, чтобы он о членах своей семьи мог сказать что-то даже не с насмешкой, а просто с иронией. Вспоминаю историю времен начала тотальной автомобилизации. Я тоже в это время «автомобилизировалась» и как-то приехала в Петергоф на машине. ЯЮ чрезвычайно заинтересовался автомобилем и подробнейшим образом расспросил меня, как им управляют и что для этого нужно знать и уметь. Я, естественно, его спросила: «Яша, а ты тоже собираешься машину покупать?» Ответ ЯЮ меня просто потряс – «Нет, не собираюсь. Понимаешь, я в себе не уверен. Если я повезу своих родных и любимых и сделаю что-нибудь неправильно, так что они пострадают, то я себе никогда этого не прощу».